

О СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ¹

Аннотация. Европейские реалии во многом связаны со внешней политикой Соединённых Штатов. В статье проанализированы основы стратегического мышления в международных отношениях на примере американской политики. Автор делает вывод о том, что США готовы применить силу в любой точке земного шара единолично, другими словами – без союзников и без ограничителей международного права. США по-другому расставляют региональные приоритеты с точки зрения размещения наиболее передовых вооружённых сил и укрепления военного сотрудничества. В порядке убывания значимости это: АТР, Европа, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка. Стратегические документы США демонстрируют определённую адаптивность их разработчиков к изменяющейся реальности. Однако в отношении России в них во многом произошло возвращение к формулировкам холодной войны.

Ключевые слова: военная стратегия, геополитика, США, холодная война, региональные приоритеты, проблемы безопасности.

О стратегическом мышлении говорится и пишется много. В мире “большой дестабилизации” спрос на эту тематику снижаться не будет.

Любой крупный игрок в международных отношениях претендует, по крайней мере, на три вещи:

– во-первых, на способность к осознанию главных трендов современности; на понимание регионального и глобального контекста своих действий; другими словами, на понимание внешней среды, которой этот игрок окружён;

– во-вторых, на основе такого анализа крупный игрок претендует на способность к вычленению главных вызовов и угроз, на выстраивании их в порядке приоритетности;

¹ Аналитическая записка №30, 2015 (№30).

– и, в-третьих, на основе первых двух способностей он расставляет для себя приоритеты и вырабатывает механизмы по реагированию на наиболее сильные внешние раздражители.

Эти три вещи можно представить в виде вопросов: “Что происходит вокруг?”, “Какие в этом для меня риски?”, “Что я должен делать?”.

Хотелось бы в этой связи немного порассуждать о стратегическом мышлении в США на современном этапе. Наиболее свежим олицетворением такого мышления являются National Security Strategy (February 2015) и The National Military Strategy (June 2015).

При ответе на вопрос “Что происходит вокруг?” американская стратегическая мысль исходит из следующих параметров:

1. Современная ситуация в мире отличается “крайней непредсказуемостью”.
2. В последние годы масштабы “мирового беспорядка” значительно увеличились.

3. Сравнительная военная конкурентоспособность США снижается.

Надо сказать, что здесь придаться особенно не к чему. Вряд ли с этими тезисами стали бы спорить большинство экспертов в Евросоюзе, тем более в России.

Но при ответе на вопрос “Какие в этом для меня риски?” картина значительно усложняется. На современном этапе главные угрозы для безопасности Америки, согласно Военной стратегии, исходят из двух источников:

первый – это ревизионистские государства;

второй – экстремистские организации, прибегающие к насилию (violent extremist organizations).

(В Стратегии безопасности источники угроз более многочисленны и расставлены в ином порядке: экстремизм и терроризм, киберугрозы, Россия, изменение климата и заболевания).

Обращает на себя внимание, что для США, согласно Военной стратегии, главными субъектами международных отношений остаются государства, хотя Вашингтон и признаёт растущую роль негосударственного фактора, как над-, так и субгосударственных субъектов. Прочитируем: “States remain the international system's dominant actors”.

Надо сказать, что в России такой тезис полностью приемлем, так как её внешняя политика также опирается на принцип “суверенности”. А вот в стратегических документах Евросоюза его вряд ли стоит искать, так как эта организация претендует на выработку внешней политики на основе “пула суверенитетов”, стремясь интегрировать внешнюю политику своих ведущих членов в нечто общее.

Кто же эти государства-ревизионисты, представляющие главный вызов для безопасности США? Их перечисление следует в порядке по мере снижения степени непосредственной угрозы: Россия, Иран, Северная Корея и Китай. Выражение “страны-изгой” уже не употребляется. Оно уступило место новой расширенной категории, в которую входят как некоторые из тех самых “изгоев” – Иран и Северная Корея, так и более серьёзные конкуренты – Россия и Китай.

Что касается экстремистских организаций, то среди них, вполне естественно, выделены “Аль-Каида” и ИГИЛ.

Нельзя не отметить, что в Военной стратегии среди этих двух источников угроз на первое место ставятся именно ревизионистские государства. Причём считается, что эта перспектива сохранится на обозримое будущее: “... today, and into the foreseeable future, we must pay greater attention to challenges posed by state actors”. Это предсказание можно интерпретировать двояко: или как близорукость, когда всего лишь несколько месяцев назад в США не понимали или ещё не хотели признавать, что главной угрозой становится всё-таки ИГИЛ, или, напротив, как сознательное утверждение, означающее, что для США – ИГИЛ это угроза локальная и краткосрочная, а “ревизионистские государства” – угроза трансрегиональная и долговременная. Если верна вторая интерпретация, то это вызывает особое беспокойство.

Ещё один примечательный пункт Военной стратегии: вероятность вовлечения США в межгосударственную войну с участием другого крупного государства оценивается как низкая, но уточняется, что эта вероятность возрастает.

Новацией являются рассуждения о “гибридной” разновидности конфликтов, которая предоставляет как бы возможность смычки двух главных источников угроз для США. И здесь тема России вновь выходит на первый план.

Эта разновидность делится на три подвида:

1) государство использует свои ВС под личиной негосударственного игрока (пример – действия России в Крыму);

2) использование военной силы негосударственным игроком приближается по своему эффекту к действиям государства (пример – ИГИЛ);

3) использование военной силы государства совместно с негосударственным игроком (пример – действия России и сепаратистов на востоке Украины).

И, наконец, третий вопрос: “Что я должен делать?”. Здесь США оперируют понятием “базовых национальных интересов” (enduring national interests). В этом можно было бы усмотреть определённое внутреннее противоречие: США называют себя глобальной державой, но в своих действиях отталкиваются от национальных, т.е. от достаточно локализованных интересов. Чтобы разрешить это противоречие, США традиционно используют концепт “американской исключительности” или “незаменимого лидерства”, фактически ставя знак равенства между своими национальными интересами и интересами мира в целом. Это наглядно прослеживается по следующим формулировкам: “международный порядок, поддерживаемый лидерством США” (a rules-based international order advanced by US leadership) или: “международный порядок зиждется на присутствии ВС США в ключевых точках по всему миру”.

С военной точки зрения все стратегические документы США опираются на тезисы четырёхлетнего прогноза министерства обороны (2014 Quadrennial Defense Review). В нём сказано, что ВС США должны быть готовы и способны одновременно обеспечить: 1) защиту национальной территории, 2) проводить антитеррористические операции, и 3) сдерживать агрессию со стороны государственных субъектов как минимум в двух регионах и при необходимости нанести им военное поражение. Весь контекст текущих стратегических документов США подталкивает к выводу о том, что роль двух главных потенциальных государственных агрессоров приписывают России и Китаю.

И заключительные наблюдения.

Первое, США разводят понятие “прямой атаки” на свою территорию и понятие “атаки на свои интересы”. Так как их интересы определены как глобальные, то, следовательно, США готовы применить силу в любой точке земного шара.

Второе, США по своему усмотрению готовы использовать силу единолично, другими словами – без союзников и без ограничителей международного права.

Третье, в отличие от страновых приоритетов по исходящим для США угрозам (Россия, Иран, Северная Корея и Китай) США по-другому расставляют региональные приоритеты с точки зрения размещения наиболее передовых вооружённых сил и укрепления военного сотрудничества. В порядке убывания значимости это: АТР, Европа, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка.

Четвёртое, США не отказываются от идеи “смены режимов”, хотя напрямую она не записана. Но вот лишь одна фраза из Стратегии безопасности: “Мы продолжим продвигать реформы в авторитарных странах, в которых не происходит полноценный демократический транзит”. Несложно догадаться, что, с точки зрения США, одной из таких стран является Россия.

Стратегические документы США демонстрируют определённую адаптивность их разработчиков к изменяющейся реальности. Однако это вряд ли может компенсировать тот конформизм, на основе которого эти документы написаны. Более того, в отношении России в них во многом произошло возвращение к формулировкам холодной войны.

On Strategic Thinking

Author. Gromyko A.I.A., Doctor of Political Science, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article analyzes the basics of strategic thinking in international relations, in particular, in the US foreign policy. The author concludes that the US are ready to use force in any part of the world and if necessary – without allies and beyond limits of international law. The US arrange their regional priorities in accordance with suitability in deploying the most advanced armed forces and strengthening military cooperation. In descending order, these priorities are the following: Asia-Pacific, Europe, Middle East, Africa, and Latin America. The US strategic documents show the certain degree of adaptability to the changing reality. However, as to Russia, a return to the Cold War language has occurred.

Key words: military strategy, geopolitics, the USA, the Cold War, regional priorities, security issues.

Дата выпуска: 29 декабря 2015 года.

Материал доступен для скачивания по адресу: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics
